

БУДДИЙСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ САНГХА РОССИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОНД
«ОБЩЕСТВО БУРЯТСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЯ-ГАНГА»
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ СО РАН
ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПАРК «АЛХАНАЙ»

Участники конференции на родине Агвана Доржиева
в селе Хара-Шибирь Хоринского района Бурятии.
8 июля 2008 г. Фото В. Стефанова

**БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА:
ИСТОРИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ,
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ИСКУССТВО**

Третьи Доржиевские чтения

Материалы конференции
Улан-Удэ — Иволгинский дацан — Алханай
8 — 10 июля 2008 г.

Нестор-История
Санкт-Петербург
2009

Т.В. Ермакова

Вклад Б.Б. Барадийна в формирование источниковой базы буддологических исследований

Бадзар Барадиевич Барадийн (1878 — 1937) родился в Забайкалье в семье бурята-скотовода. В 1896 г. Барадийн попал в Петербург, где в течение двух лет обучался в частной бурятской гимназии П.А. Бадмаева. Затем юноша возвращается на родину, а в 1900 г. в качестве переводчика при некоем бурятском купце путешествует по Европе, посещает Германию, Швейцарию и Италию. По возвращении Барадийн поступает вольнослушателем в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков, где изучает санскрит, тибетский и монгольский языки¹.

В 1903 г. образовался Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении (далее — Русский комитет). Будучи научным по целям деятельности, комитет организационно подчинялся царскому МИДу, а в его состав наряду с представителями научных ведомств входили представители важнейших министерств — иностранных дел, военного, финансов, внутренних дел и народного просвещения². В исследовании Центральной Азии новое учреждение использовало опыт Императорского русского географического общества. Члены Русского комитета акад. С.Ф. Ольденбург и Ф.И. Щербатской внесли предложение о привлечении бурят к изучению Тибета в ходе экспедиций. Поскольку в это время Барадийн обучался у Ольденбурга и Щербатского, то именно на него и было решено возложить следующую научную миссию в Тибет.

Русский комитет принял четырехлетний план подготовки Барадийна, согласно которому Ольденбург и Щербатской должны были три года преподавать ему санскрит, буддийскую философию, историю, а на четвертом году предполагалась поездка в монастыри Лавран и Гумбум, а затем — в

Центральный Тибет и Лхасу.

Уже в 1903 г. Русский комитет командировал Барадийна в Забайкалье для изучения буддийской иконографии и жизни дацанов. Видимо, эта предварительная работа, продолжавшаяся и в 1904, и в 1905 гг., способствовала лучшему ознакомлению с буддийской культурой монастырской повседневности.

Благодаря своему авторитету среди буддийских иерархов Щербатской получил приглашение Далай-ламы XIII сопровождать его в Тибет из Монголии, куда глава центральноазиатских буддистов бежал во время английской интервенции. По прибытии в Ургу (Улан-Батор) Щербатской рекомендовал Русскому комитету прислать Барадийна с тем, чтобы он отправился в Лхасу в свите Далай-ламы. Барадийну удалось присоединиться к окружению Далай-ламы, но возвращение иерарха на родину затягивалось, и тогда Русский комитет принял решение направить исследователя в Лавран. Непосредственные впечатления от этой поездки и конкретные разнообразные сведения о жизни монахов в монастыре Лавран изложены Барадийном в его работе «Путешествие в Лавран»³.

Более подробно повседневность монастырской жизни отражена в дневниках Барадийна, опубликованных впервые только в 1999 г.⁴ В перспективе анализа формирования источниковой базы буддологического исследования эти дневники представляют, на наш взгляд, особую ценность. Будучи достаточно подготовленным для научной работы в монастырях в ходе предшествующих занятий в Бурятии, Барадийн смог корректно поставить и решить задачу сбора и ксилографического копирования буддийских сочинений, составлявших основу монашеского образования (это был значительный вклад в формирование источниковой базы исследования буддийской логики и философии), биографий видных деятелей буддизма, историй крупных монастырей. В этой связи необходимо упомянуть о том, что А.И. Востриков уже в 30-е гг. XX в. активно работал с коллекциями, привезенными Г.Ц. Цыбиковым и Б.Б. Барадийном⁵.

Когда в результате многомесячного пребывания в монастыре Лавран Б. Барадийн проанализировал все стороны жизни монастыря и опубликовал очерк «Путешествие в Лавран» (1908 г.), у него сформировалось отдельное направление исследования — культовая сторона буддизма и иконография в связи с ритуальными практиками. Серьезность намерений исследователя подтверждается тем, что для этой работы он собирался специально поехать в Забайкалье. С.Ф. Ольденбург продолжал курировать Б. Барадийна в этом проекте, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Русского комитета от 1912 г.: «Б.Б. Барадийн, о ходе работ которого я имел честь докладывать комитету, сообщил мне, что он желал бы отправиться в Забайкалье для продолжения работы своей о Лавране. Ознакомившись подробно с тою частью этой книги, которая уже готова, я обратил особенное внимание на списки предметов, положенных в субурганы, списки, сохраняемые в монастырях и могущие иметь большое значение при объяснении находок, вроде находки полковника П.К. Козлова в Хара-Хото и тех, какие делаются в Китайском Туркестане. Пересмотрев один такой список особенно внимательно, я убедился, что без содействия ученых

лам не разобраться в некоторых указаниях ритуального характера»⁶.

В дальнейшем и Ф.И. Щербатской поддерживал это направление работы Б. Барадийна: «В настоящее время Б.Б. Барадийн, лектор монгольского языка в СПб. университете, занят обработкой специальной части своего труда по путешествию в Лавран <...>. Из указанной части работы сейчас в Библиотеке Буддика печатается „Описание статуи Майтреи в Золотом храме в Лавране“, перевод с тибетского.

В предстоящее лето 1913 г. мы находили бы желательным поручить Б.Б. Барадийну продолжать работы в дацанах Забайкалья под руководством бурятских лам, особенно по переводу некоторых тибетских сочинений (описаний тибетских лавранских святынь)»⁷.

Необходимо подчеркнуть, что данное направление исследований — реконструкция ритуальных практик буддизма с опорой на письменные источники и интерпретация с их помощью семантики буддийской иконографии и храмовой пластики на основе визуального наблюдения — представляло собой принципиально новую ступень в изучении буддизма. Если в более ранних типологически сопоставимых работах, в частности, в исследовании А.И. Позднеева «Очерки быта буддийских монастырей Монголии» (1887) с протокольной тщательностью только зафиксирована предметная сторона внутреннего убранства храма и последовательность действий, составляющих в своей совокупности конкретный обрядовый комплекс, то Б. Барадийн был призван решить задачу религиозоведческой интерпретации наблюдаемого, т. е. рассмотреть убранство храма, храмовую пластику и обрядовые действия в контексте буддийской доктрины. Такой подход, плодотворность которого была осознана наставниками Б. Барадийна Ф.И. Щербатским и С.Ф. Ольденбургом, позволял проследить смысловую связь буддийского мировоззрения и буддийской обрядовой практики.

Относительно сочинения «Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране» необходимо подчеркнуть, что Б. Барадийну удалось органично совместить результаты визуального наблюдения иконографии и интерпретацию ее семантики в контексте культа Майтреи с переводом релевантного письменного источника.

Во Введении к вышеупомянутой работе Б. Барадийн предпринимает попытку интерпретации символического аспекта буддийской иконографии и статуса вотива в контексте доктрины. «Священные изображения, книги и памятники (*сеітуа*) — [имеются в виду ступы] являются тремя основными предметами почитания — символами трех элементов бытия Будды — тела, слова и мысли. На эти предметы буддист должен смотреть как на символы, как на вспомогательные предметы для вызывания в человеке религиозных эмоций и чувств»⁸.

По реконструкции Б. Барадийна, Майтрея обладает высоким сакральным статусом ввиду его трех функций — бодхисаттвы, в будущем временном периоде способного продолжить проповедь Учения в статусе будды; владыки небес Тушита, осуществляющего непрерывную проповедь Учения; одного из видных буддийских философов, толкователя сутр Махаяны и автора пяти сочинений (см.: «Пятикнижие Майтреи»),

вошедших в Данжур⁹.

Б. Барадийн отмечал, что такой жанр тибетских сочинений, как «указатели», мало известен в Европе. Наиболее значительные храмы Лаврана имеют такие «указатели» и, как пишет Б. Барадийн, «все эти указатели изданы в Лавране и находятся в Азиатском музее И.А.Н. в числе привезенных нами из Амдо тибетских книг. Из них только указателя Цогчем-дукана не удалось нам достать. Указатели эти касаются истории сооружения того или другого храма или статуи, а также и описания самих храмов. Но большей частью они представляют списки тех реликвий, которые вкладываются в установленном порядке внутрь статуй или субурганов. Все эти перечисления, описания священных предметов, исполненные в своеобразной манере туземных авторов, едва ли удовлетворят читателя-европейца. Но тем не менее этот обширный и разнообразный по содержанию род тибетской литературы представляет весьма любопытный и интересный во многих отношениях материал. Ввиду этого мы и решили перевести указатель храма Серкан-ченмо [храм Майтреи] в виде первого опыта подобного рода работы на европейском языке»¹⁰. Этот фрагмент весьма значим для понимания позиции Б. Барадийна относительно значимости данного класса памятников, практически не известного в Европе. В приведенной цитате отчетливо видно новаторство Б. Барадийна, впервые указавшего на необходимость обращения к принципиально новому классу источников.

Б. Барадийн, как явствует из списка источников, который он приводит во Введении, для предварительной проработки тематики переводимого текста использовал наряду с современными ему европейскими трудами значительное количество сочинений на тибетском языке. Тематически это работы по истории буддизма в Тибете, наставления по обрядовым практикам, в том числе правила вложения священных реликвий в статуи и субурганы, терминологические словари и справочники. Хронологический охват — XII — XIX вв. Большинство рукописей — из собрания Азиатского музея¹¹.

Именно привлечение значительного числа справочных изданий позволило Б. Барадийну сделать примечания к переводу, в которых отождествлены упоминаемые в тексте исторические лица и конкретные явления буддийской центрально-азиатской культуры.

Б. Барадийн делает во Введении существенное замечание о том, что по составу вложений можно установить «наиболее почитаемые — без различия школ — канонические сочинения и персонажи буддийского пантеона. <...> На основании многочисленных личных имен и названий священных книг и дхарани, вошедших так или иначе в список реликвий, читателю предоставляется судить о степени популярности <...> тех или иных священных книг и дхарани или божеств и лам без различия сект, так как внутрь статуи могли попасть лишь те предметы и имена, которые пользуются безусловным священным значением по крайней мере для господствующей в Тибете, Монголии и у бурят Желтой Церкви»¹².

Если отвлечься от архаизированной терминологии — «секта», «церковь» — то собственно религиозоведческая идея Б. Барадийна о выявлении универсальных сакральных объектов, равно значимых для всех последо-

вателей центрально-азиатского буддизма, представляется весьма перспективной. Поскольку речь в данном случае идет о храмовой статуе вместе с вложениями, т. е. об объекте культовых действий, то можно предположить, что именно в культовых действиях реализовывалось ценностно-мировоззренческое единство буддийской общины (сангхи).

Собственно содержание памятника, и это в известной степени объясняет выбор Б. Барадийна, проливает свет на функционирование тантрийского направления в махаяне, определившего историко-культурное своеобразие центрально-азиатского буддизма как такового. Для российской буддологии это был первый опыт обращения к такому материалу. Номенклатура и, в особенности, порядок закладки вложений внутри статуи, составы, которые применялись для покрытия бумаги и для изготовления печатной краски, вотивы — фрагменты одеяний и вещей, принадлежавших легендарным и реальным деятелям буддизма в Тибете, перечисленные в переведенном Б. Барадийном памятнике, представляют собой самостоятельный объект религиоведческого исследования. Б. Барадийн не ставил своей задачей интерпретацию этого чрезвычайно интересного, уникального материала. Однако в Приложении он дает классификацию *хадаков* — специальных шарфов, использующихся в буддийском обиходе в качестве дара-подношения или элемента декорирования храмовых и выносных статуй. Б. Барадийн упоминает, что эта описательная классификация составлена на основе указаний хамбо-ламы Агвана Доржиева и ламы Зарбаина¹³. Если фигура А. Доржиева в большей степени изучена, и упоминание о нем в данном случае интересно как факт биографии Б. Барадийна, то о ламе Зарбаине известно только из документов Русского комитета о подготовке Б. Барадийна и из Предисловия к «Статуе Майтреи...». В протоколах Русского комитета за 1904 г. содержится предложение акад. Ф.И. Щербатского и С.Ф. Ольденбурга: «Присутствие в Петербурге ученого бурятского ламы из агинского дацана Данзина Зарбаина могло бы быть <...> использовано в целях выполнения некоторых задач Комитета, уже намеченных. Как известно Комитету, мы готовим молодого бурята г. Барадийна для занятий в тибетских монастырях. Представляется поэтому весьма желательным поставить его отчасти и под руководство ученого ламы, который мог бы своими указаниями пригласить его к особенностям ученого обихода ламайских монастырей <...>».

Еще в большей мере мог бы воспользоваться пребыванием здесь ученого ламы Ф.И. Щербатской, который имеет намерение в возможно близком будущем ознакомиться на местах с постановкой философского преподавания в ламайских монастырях и проследить, в какой мере здесь сохранились старые индийские методы и предания¹⁴. По-видимому, занятия Б. Барадийна с ламой Зарбаином, действительно, имели место. Так, в Предисловии к «Статуе Майтреи...» Б. Барадийн наряду с благодарностью акад. Щербатскому и С.Ф. Ольденбургу выражает признательность «глубокому знатоку буддизма и духовной культуры Тибета и приобщившему меня к учению Будды Данзину Зарбаину»¹⁵.

Поскольку подношение хадака и использование его в целях декориро-

вания вотивов в центрально-азиатском буддийском регионе носило повсеместно распространенный характер, то практический (случаи применения) и символический (вид хадака, подобающий применительно к конкретной ситуации) аспекты функционирования этого предмета в буддийской культуре были существенно важны. Но только носители культуры (в данном случае, А. Доржиев и Д. Зарбаин) могли дать первоначальные сведения о конкретных видах хадаков. Воспроизведенная Б. Барадийном классификация как раз раскрывает упомянутые аспекты, что и делает ее чрезвычайно интересной для исследования. Помещение этого Приложения в публикации перевода может быть объяснено тематической близостью данного материала и текста памятника, хотя сам Б. Барадийн в эксплицированной форме этого не отмечает.

Первая классификационная группа хадаков вычленяется по критерию ткани: шелк/хлопок. Поскольку хлопковые бывают белыми либо синими, без рисунков, то Б. Барадийн их в дальнейшем не рассматривает.

Шелковые хадаки бывают пяти буддийских цветов (белый, красный, синий, желтый, зеленый) и в зависимости от назначения различаются нанесенными изображениями и размерами. Б. Барадийн выявил девять видов хадаков и кратко охарактеризовал каждый из них¹⁶.

В связи с различием хадаков по цвету Б. Барадийн воспроизводит в табличной форме аспекты символического смысла цвета в системе буддийских практик¹⁷. Обращение Б. Барадийна к теме семантики и символики цвета в буддизме не случайно. Из опыта наблюдения буддийской иконографии в Бурятии и пребывания в Лавране Барадийн, несомненно, мог установить связь иконографии и практик, особенно распространенных в тантрическом направлении буддизма.

Труд Б. Барадийна завершает воспроизведенный графически и откомментированный План Золотого храма (краткое описание храмовой скульптуры и живописи)¹⁸.

Историко-научное значение данной работы может быть расценено в двух аспектах. Применительно к анализу буддологической проблематики, которой занимался Б. Барадийн, а именно функционирование буддийских монастырей центрально-азиатского культурного региона, «Статуя Майтреи...» представляет собой конкретную разработку из области буддийской храмовой иконографии в связи с доктриной и вотивными монастырскими практиками. В этом плане «Статуя Майтреи...» представляет самостоятельную тему в исследованиях Б. Барадийна.

В качестве источника для вторичного буддологического анализа «Статуя Майтреи...» дает исследователю уникальный материал религиоведческого и этнографического характера, позволяющий на современном уровне изученности практики центрально-азиатского буддизма осуществить историко-культурную реконструкцию функционирования храмовой пластики в качестве вотивного объекта.

Представители Санкт-петербургской школы в буддологии, приобретшие мировую известность публикациями и приоритетными исследованиями письменных памятников буддийской религиозно-философской мысли, внесли также существенный вклад в формирование источниковой базы,

адекватной решению исследовательских задач.

Серьезная теоретическая подготовка буддологов-путешественников Цыбикова и Барадийна сделала возможной целенаправленную работу по формированию коллекций рукописей и ксилографов, расширивших представления европейских буддологов о составе и тематическом разнообразии буддийской литературы¹⁹.

Примечания:

¹ Автобиография Барадийна Б.Б. // Альманах «Orient». Вып. 1. СПб., 1992. С. 116.

² Назирова Н.Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992. С. 147.

³ Барадийн Б.Б. Путешествие в Лавран // ИРГО. СПб., 1908. Вып. 4. Т. XLIX.

⁴ См.: Барадийн Б. Жизнь в тангутском монастыре Лавран. Дневник буддийского паломника 1906 — 1907 гг. Улан-Улэ — Улан-Батор, 1999.

⁵ См.: Востриков А.И. Тибетская историческая литература. СПб., 2007.

⁶ Извлечения из протоколов Русского комитета (РКИСВА). 1912 г.

⁷ Извлечения из протоколов Русского комитета (РКИСВА). 1913 и 1914 гг.

⁸ Барадийн Б. Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране. Библиотека Буддиста. XXII. Л., 1924. С. 3.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Там же. С. 03 — 011.

¹² В работе Б. Барадийна «Путешествие в Лавран» есть упоминание об этом круге сочинений: «<...> все достопримечательности Лаврана, как и его история, имеют обширную литературу на тибетском языке. Вся эта литература <...> находится в числе привезенных мною коллекций тибетских книг и представляет большой интерес для исследователей буддийского Востока» — см.: Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей. СПб, 1998. С. 138 — 139.

¹³ Барадийн Б. Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране. С. 15.

¹⁴ Там же. С. 88.

¹⁵ Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей. С. 112.

¹⁶ Барадийн Б. Статуя Майтреи в Золотом храме в Лавране. С. 02.

¹⁷ Там же. С. 88 — 90.

¹⁸ Там же. С. 92 — 93.

¹⁹ Там же. С. 95 — 98.

²⁰ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Буддийское письменное наследие в трудах Санкт-Петербургской буддологической школы и коллекциях Азиатского музея», проект № 8-01-95369а/П.